

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

БЕЛАЯ МГЛА

Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.

Кен Фоллетт

Белая мгла

«ФТМ»

«АСТ»

2004

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Белая мгла / К. Фоллетт — «ФТМ», «АСТ»,
2004 — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.)

ISBN 978-5-17-982828-0

Секретная правительственная лаборатория ограблена! Сверхсовременная система сигнализации почему-то не сработала. Лаборант, занимавшийся разработкой вакцины против таинственного вируса, погиб. И похищен контейнер, содержащий смертельный вирус. Кто подвергает угрозе жизни сотен тысяч людей?! Расследование начинает начальник службы безопасности лаборатории Тони Галло. Пока ее надежда – снежная буря, которая должна хотя бы на время остановить преступников!..

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-982828-0

© Фоллетт К., 2004
© ФТМ, 2004
© АСТ, 2004

Содержание

Канун Рождества	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кен Фоллетт

Белая мгла

Ken Follett
WHITEOUT

© Ken Follett, 2004

© Перевод. Т. Кудрявцева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Канун Рождества

1.00

Двое усталых мужчин посмотрели на Антонию Галло – в глазах их были возмущение и враждебность. Им хотелось уйти домой, а она не позволяла. И они знали, что она права, но от этого им было не легче.

Все трое находились в отделе персонала «Оксенфорд медикал». Антония, которую все звали Тони, была директором по оборудованию и главным образом отвечала за соблюдение секретности. «Оксенфорд» – небольшая фармацевтическая фирма, «компания-бутик» на биржевом жаргоне, – занималась изучением смертоносных вирусов. И на соблюдение секретности смотрели очень серьезно.

Тони проверила наличие рабочего материала и обнаружила, что не хватает двух доз вещества для проведения экспериментов. Это было достаточно серьезно: вещество – противовирусный реактив – совершенно засекречено, его формула была бесценна. Оно могло быть выкрадено для продажи конкурирующей компании. Но была и другая, более страшная возможность его использования – при одной мысли об этом усеянное веснушками лицо Тони помрачнело, на нем отразилась тревога, а зеленые глаза потемнели. Ведь вор мог украсть медикамент для личного пользования. И объясняться это могло лишь тем, что кто-то заразился одним из смертельных вирусов, используемых в лабораториях компании «Оксенфорд».

Лаборатории помещались в большом доме девятнадцатого века, построенном миллионером времен королевы Виктории в виде шотландского дома для празднеств. Его прозвали «Кремль» – из-за окружавшего дом двойного забора, по которому была проложена острая как бритва проволока, охранников в форме и современной электронной защиты. Сам же дом был скорее похож на церковь с заостренными арками, башней и горгульями на крыше.

Отделу персонала выделили одну из самых роскошных спален. В ней сохранились стрельчатые окна и стены, обтянутые холстом, но теперь вместо гардеробов стояли картотеки, а вместо туалетных столиков с хрустальными флаконами и щетками в серебряной оправе – письменные столы с компьютерами и телефонами.

Тони и двое мужчин сидели на телефонах, обзванивая всех, у кого был пропуск в сверхсекретную лабораторию. Здесь было четыре уровня биозащиты. В лаборатории самого высокого уровня секретности ЛБЗ-4 ученые работали в скафандрах, занимаясь вирусами, против которых не существовало вакцин или противоядий. Поскольку это было наиболее защищенное в здании место, медикамент, с которым велись эксперименты, держали тут.

Не все имели доступ в ЛБЗ – лабораторию биозащиты – четвертого уровня. Для этого необходимо было пройти специальное обучение, как распознавать биологическую опасность, – даже тем, кто обслуживал вентиляционное оборудование и ремонтировал автоклавы. Тони тоже прошла обучение, чтобы иметь возможность заходить в лабораторию для проверки соблюдения секретности.

Из восьмидесяти сотрудников только двадцать семь человек имели туда доступ. Однако многие уже уехали на Рождество, и вслед за понедельником наступил вторник, а трое находившихся в помещении людей еще не всех поймали по телефону.

Тони добралась до Он-бич-клуб, курорта на Барбадосе, и долго убеждала помощника управляющего найти лаборантку по имени Дженни Кроуфорд.

Ожидая у телефона, Тони посмотрела на свое отражение в окне. Она хорошо держалась, несмотря на поздний час. Ее шоколадного цвета костюм в полоску не утратил элегантности, густые волосы в порядке, на лице никаких следов усталости. Отец ее был испанец, а мать – шотландка, и Тони унаследовала от матери белую кожу и рыжеватые волосы. Она была высокая, крепко сложенная. «Совсем неплохо выгляжу для тридцати восьми лет», – подумала она.

– Там у вас ведь глубокая ночь! – заметила Дженни, подойдя к телефону.

– Мы обнаружили в ЛБЗ-4 расхождение с журналом, – пояснила Тони.

Дженни была явно навеселе.

– Подумаешь, – небрежно бросила она. – Никто ни разу не считал это великой драмой.

– Это потому, что я тут не работала, – сухо произнесла Тони. – Когда вы в последний раз заходили в лабораторию?

– По-моему, во вторник. Разве вы не могли это выяснить по компьютеру?

Могла, но Тони хотела проверить, подтвердит ли Дженни запись в компьютере.

– А когда вы в последний раз открывали хранилище? – Хранилищем в ЛБЗ-4 был запертый на замок холодильник.

Голос у Дженни стал звучать неприветливо:

– Право не помню, но это же записано на видео. – Замок, открывавшийся от нажатия на комбинацию цифр, включал камеру, которая снимала все время, пока дверь хранилища была открыта.

– Вы помните, когда в последнее время работали с Мадобой-два? – Это был вирус, над которым работали сейчас ученые.

– Какого черта, – воскликнула потрясенная Дженни, – именно это пропало?

– Нет. Тем не менее...

– Не помню, чтобы я когда-либо брала вирус. Я ведь работаю в лаборатории главным образом над выращиванием живой ткани.

Это соответствовало имевшейся у Тони информации.

– А вы не замечали, чтобы кто-либо из ваших коллег в последние недели вел себя как-то странно или не так, как обычно?

– Да вы меня допрашиваете, как в гестапо, – сказала Дженни.

– Считайте, как хотите, так замечали вы?..

– Нет, не замечала.

– Еще один вопрос. У вас температура нормальная?

– Черт побери, вы что, хотите сказать, что я подцепила Мадобу-два?

– Вы не простужены, вас не лихорадит?

– Нет!

– Значит, все в порядке. Вы уехали из страны одиннадцать дней назад – если бы с вами было что-то не так, вы чувствовали бы симптомы гриппа. Благодарю, Дженни. По всей вероятности, в журнале просто отсутствует отметка, но нам необходимо в этом удостовериться.

– Что ж, вы испортили мне ночь. – И Дженни повесила трубку.

– Как вам не стыдно, – произнесла Тони в мертвый телефон. Она положила трубку и сказала: – Дженни Кроуфорд проверена. Корова, но честная.

Директора лаборатории звали Ховард Макэлпайн. Густая седая борода, взбивавшаяся высоко по щекам, создавала впечатление, будто вокруг глаз у него розовая маска. Он был педантичен, но не придирчив, и Тони, в общем, с удовольствием работала с ним, а вот сейчас он кипел. Он сидел, откинувшись на стуле, забросив руки за голову.

– Скорее всего незарегистрированный материал был вполне законно кем-то использован, забывшим сделать запись в журнале. – Он сказал это раздраженным тоном, так как уже дважды говорил то же самое.

– Надеюсь, что вы правы, – не слишком уверенно произнесла Тони.

Она встала и подошла к окну. Комната отдела персонала выходила на пристройку, где размещалась ЛБЗ-4. Новое здание было построено в том же стиле, что и «Кремль» – с трубами, похожими на сахарные батончики, и башней с часами, так что человеку постороннему трудно было угадать снаружи, где находится сугубо секретная лаборатория. Однако стекла в ее стрельчатых окнах были матовые, резные дубовые двери не открывались, а с голов горгулий

смотрели одноглазые телевизионные камеры. Это был цементный бункер, замаскированный под дом в викторианском стиле. В новом доме было три уровня. На первом этаже размещались лаборатории. Помимо помещений для исследований и складов, там находился еще медицинский изолятор для заразившихся опасным вирусом. Им ни разу не пользовались. Верхний этаж был отведен для вентиляционного оборудования. А внизу сложные машины стерилизовали все отходы из здания. Только люди выходили живыми из этого дома.

– Мы многое узнали из этого обзвона, – примирительным тоном произнесла Тони.

Она нервничала, считая, что находится в сложном положении. Оба мужчины были старше ее – и по положению, и по возрасту: обоим было за пятьдесят. И хотя Тони не имела права приказывать им, она убедила их воспринять случившееся как кризис. Эти мужчины хорошо относились к ней, но их добрая воля была на пределе. Тем не менее Тони считала, что должна настоять на своем. Ведь на карту были поставлены безопасность людей, репутация компании и ее карьера.

– В будущем у нас всегда должны быть номера телефонов всех, кто имеет доступ в ЛБЗ-4, где бы они ни находились, чтобы в случае чрезвычайной ситуации можно было быстро с ними связаться. И мы должны просматривать журнал чаще чем раз в год.

Макэлпайн буркнул что-то себе под нос. Как директор лаборатории, он отвечал за журнал, и настроение его объяснялось тем, что это он должен был обнаружить отсутствие пометки в журнале. Он плохо выглядел по сравнению с деловитой Тони.

Тони повернулась к другому мужчине, директору по кадрам.

– Как далеко мы продвинулись по вашему списку, Джеймс?

Джеймс Эллиот оторвал взгляд от экрана компьютера. По манере одеваться он походил на брокера – носил полосатые костюмы и пестрые галстуки, словно желал выделяться среди ученых, ходивших в твиде. Такое было впечатление, что он считал правила безопасности нудной бюрократией, возможно, потому, что сам никогда не работал с вирусами. Тони находила, что он помпезен и глуп.

– Мы переговорили со всеми, кроме одного, из двадцати семи сотрудников, имеющих доступ в ЛБЗ-4, – произнес он, подчеркивая слова, словно учитель, уставший что-то объяснять самому тупому в классе ученику. – Все сказали правду, когда в последний раз заходили в лабораторию и открывали хранилище. Ни один не заметил, чтобы кто-то из коллег вел себя странно. И никого не лихорадит.

– А кто у нас остался неохваченным?

– Майкл Росс, лаборант.

– Я знаю Майкла, – сказала Тони. Это был застенчивый неглупый человек лет на десять младше ее. – Я даже была у него дома. Он живет в коттедже милях в пятнадцати отсюда.

– Он работает в нашей компании восемь лет без единого замечания. – Макэлпайн провел пальцем по списку и сказал: – В последний раз он заходил в лабораторию две недели назад – проверял животных.

– А потом что делал?

– Был в отпуске.

– Он должен был сегодня выйти на работу, – вставил Эллиот. И посмотрел на свои часы. – То есть вчера. В понедельник утром. Но не явился.

– Сказался больным?

– Нет.

Тони в удивлении подняла брови.

– И мы не можем с ним связаться?

– Ни его домашний телефон, ни мобильный не отвечают.

– Вам это не кажется странным?

– То, что одинокий молодой мужчина решил продлить отпуск, не предупредив своего нанимателя? Так же странно, как то, что в Гленко идет дождь.

Тони снова повернулась к Макэлпайну:

– Но вы же говорите, что Майкл на хорошем счету.

Вид у директора лаборатории был встревоженный.

– Он человек очень добросовестный. Удивительно, что он решил устроить себе отпуск без разрешения.

– Кто был с Майклом, когда он в последний раз заходил в лабораторию? – спросила Тони. Она знала, что кто-то должен был с ним быть, так как по правилам в ЛБЗ-4 из-за опасности никто не мог работать в одиночестве.

Макэлпайн взглянул на свой список.

– Биохимик доктор Ансари.

– По-моему, я его не знаю.

– Ее. Это женщина. Моника.

Тони взяла трубку телефона.

– Какой у нее номер?

Моника Ансари говорила с эдинбургским акцентом и, похоже, была разбужена от крепкого сна:

– Ховард Макэлпайн мне уже звонил.

– Извините, что беспокою вас снова.

– Что-то случилось?

– Это по поводу Майкла Росса. Мы не можем его найти. Вы, кажется, были с ним в воскресенье, две недели назад в ЛБЗ-четыре.

– Да. Одну минуту. Я включу свет. – Пауза. – Господи, неужели так поздно?

– Майкл на другой день ушел в отпуск, – не отставала Тони.

– Он сказал мне, что собирается съездить к матери в Девон.

Тони тут же вспомнила, почему она была у Майкла дома. Около полугода назад она упомянула в разговоре в столовой, как ей нравятся портреты пожилых женщин Рембрандта – с какой любовью выписаны каждая складочка, каждая морщинка. Сразу видно, сказала она, как, должно быть, Рембрандт любил свою мать. Майкл так и расцвел и сказал, что у него есть копии нескольких рисунков Рембрандта, которые он вырезал из журналов и каталогов аукционов. После работы она поехала с Майклом к нему посмотреть портреты – изображения пожилых женщин в изящных рамках занимали всю стену его маленькой гостиной. Тони волновалась, опасаясь, что он предложит ей остаться – он ей нравился, но не в таком плане, – однако, к ее облегчению, выяснилось, что он хотел лишь показать ей свою коллекцию. Словом, она решила, Майкл – маменькин сынок.

– Это нам поможет, – сказала Тони Монике. – Подождите немного. – Она повернулась к Джеймсу Эллиоту: – Есть у нас данные его матери для контакта?

Эллиот повел мышкой и щелкнул.

– Она числится как его ближайший родственник. – И взял телефонную трубку.

А Тони снова заговорила с Моникой:

– В тот день Майкл выглядел как всегда?

– Абсолютно.

– Вы вместе вошли в лабораторию?

– Да. Потом, конечно, каждый пошел в свою раздевалку.

– А когда вы вошли в саму лабораторию, он был уже там?

– Да, он быстрее переоделся.

– Вы работали рядом с ним?

– Нет. Я была в боковом отсеке – занималась выращиванием живой ткани. А он проверял животных.

– Вы ушли из лаборатории вместе?

– Он ушел на несколько минут раньше.

– У меня такое впечатление, что он мог заглянуть в хранилище без вашего ведома.

– Вполне мог.

– А какого вы мнения о Майкле?

– Нормальный малый... по-моему, безобидный.

– Угу, это доброе слово о нем. А вы не знаете, есть у него девушка?

– По-моему, нет.

– Вы считаете его привлекательным?

– Приятный, но не сексуальный.

Тони улыбнулась.

– Точно. Ничего странного за ним не замечали?

– Нет.

Почувствовав, что женщина ответила нерешительно, Тони помолчала, давая ей подумать. Рядом с ней Эллиот говорил с кем-то – просил позвать к телефону Майкла Росса или его мать.

Через минуту Моника сказала:

– То, что человек живет один, еще не значит, что он чокнутый, верно?

Тем временем Эллиот произнес в трубку:

– Как странно. Извините, что потревожил вас так поздно.

Услышав это, Тони захотелось узнать, в чем дело. И она поспешила закончить свой разговор:

– Еще раз спасибо, Моника. Надеюсь, вы сумеете снова заснуть.

– Мой муж – семейный врач, – сказала Моника. – Мы привыкли, что нам звонят среди ночи.

Тони повесила трубку.

– У Майкла Росса было полно времени открыть хранилище, – сказала она. – И он живет один. – Она посмотрела на Эллиота: – Вы дозвонились до его матери?

– Это телефон дома для престарелых, – сказал Эллиот. Вид у него был встревоженный. – И миссис Росс умерла прошлой зимой.

– А, черт, – вырвалось у Тони.

3.00

Сильные прожекторы освещали башенки и остроконечные крыши «Кремля». Градусник показывал минус пять, но на небе не было ни облачка, и снег не шел. Здание выходило в викторианский сад со старыми деревьями и кустами. В сером свете на три четверти полной луны обнаженные нимфы играли в сухих фонтанах под охраной каменных драконов.

Тишину разорвал рев моторов двух фургонов, выехавших из гаража. На обоих были международные знаки биоопасности – четыре разорванных черных круга на ярко-желтом фоне. Часовой у сторожки уже поднял шлагбаум. Фургоны выехали и на опасной скорости свернули на юг.

Тони Галло была за рулем передней машины – она ехала, как на своем «порше», посреди дороги, разгоняя мотор, лихо беря повороты. Она боялась опоздать. В фургоне вместе с Тони были трое мужчин, обученных обеззараживанию. Вторая машина была изолятором на колесах с медбратом за рулем и с доктором Руфью Соломонс рядом.

Тони боялась ошибиться, но была в ужасе от того, что могла быть права.

Она действовала по красному сигналу опасности на основании всего лишь подозрения. Медикамент мог быть вполне законно использован кем-то из ученых, забывшим сделать соот-

ветствующую запись в журнале, как считал Ховард Макэлпайн. А Майкл Росс мог просто продлить отпуск без разрешения, и сообщение о смерти его матери могло быть всего лишь какой-то путаницей. Если все это так, кто-то наверняка скажет, что Тони пережала... как типичная истеричка, добавит Джеймс Эллиот. Она ведь может обнаружить Майкла Росса спокойно спящим с выключенным телефоном, и Тони вся сжалась при мысли, что она станет утром говорить Стэнли Оксенфорду.

Но будет куда хуже, если она окажется права.

Сотрудник отсутствует без разрешения; он солгал насчет того, куда собирался ехать, и в хранилище не хватает нового медикамента. Неужели Майкл Росс совершил что-то, подвергшее его смертельной заразе? Медикамент все еще находился на экспериментальной стадии и не действовал против всех вирусов, но Росс мог решить, что это лучше, чем ничего. Какое бы дело Росс ни затеял, он не хотел, чтобы кто-то в течение двух недель звонил ему домой, и потому сделал вид, что уезжает в Девон к матери, которой уже не было в живых.

Моника Ансари сказала: «То, что человек живет один, еще не значит, что он чокнутый, верно?» Подобная фраза может означать как раз противоположное. Биохимик почувствовала в Майкле что-то странное, хотя, будучи рационально мыслящим ученым, не решалась положиться на интуицию.

А Тони считала, что интуицией никогда не надо пренебрегать.

Ей была невыносима мысль о последствиях, если вирус Мадоба-2 каким-то образом вырвется из пробирки. Он крайне заразен и распространяется через кашель и чиханье. И смертелен. От ужаса ее пробирала дрожь, и она нажала на акселератор, ускоряя движение.

На дороге никого не было, и они за двадцать минут доехали до уединенного дома Росса. Подъезд к нему не был ясно обозначен, но Тони помнила, как ехать. Она свернула на короткую подъездную дорогу, что вела к низкому каменному коттеджу, стоявшему за садовой оградой. Дом был темен. Тони остановила фургон рядом с «фольксвагеном-гольф», по всей вероятности, машиной Майкла. И погудела – долго и громко.

Ничего. Свет не загорелся, никто не открыл дверь или окно. Тони выключила мотор. Тишина.

Если Майкл уехал, то почему его машина тут?

– Костюмы, пожалуйста, джентльмены, – сказала Тони.

Все натянули оранжевые скафандры – в том числе и медики из второго фургона. Костюмы были из толстого пластика, который нелегко было не только проколоть, но и просто согнуть. Застежкой служила молния. Они помогли друг другу натянуть перчатки и стянуть их на запястье пластичным лейкопластырем. Затем всунули обтянутые полиэтиленом ноги в резиновые сапоги.

Костюмы герметически замуровывали человека. Он дышал через фильтр «ХЕПА» с высокоэффективной фильтрацией частиц воздуха и электровентилятором, работавшим от комплекта батарей на поясе костюма. Фильтр не пропустит ни одной выдохнутой частицы с бактериями или вирусами. Он также не пропускает запахи – кроме самых сильных. А вентилятор постоянно жужжит, что некоторым действует на нервы. Вмонтированные в шлем наушники позволяют переговариваться друг с другом и с коммутатором в «Кремле» по непрослушиваемому радиоканалу.

Когда все были готовы, Тони снова посмотрела на дом. Кто-нибудь, выглянув сейчас в окно и увидев семь человек в оранжевых скафандрах, подумал бы, что инопланетяне действительно существуют.

Но если кто-то в доме и был, он не смотрел в окно.

– Я пойду первой, – сказала Тони.

И она направилась к главному входу, тяжело шагая в неудобном пластиковом костюме. Она позвонила и постучала дверным молоточком. Немного выждав, стала обходить дом.

Позади был аккуратный садик с деревянным сараем. Задняя дверь была незаперта, и Тони вошла в дом. Она вспомнила, как стояла на кухне, пока Майкл готовил чай. Она быстро пошла по дому, включая по ходу свет. Вырезки по-прежнему висели в гостиной. В доме было чисто, прибрано и пусто.

– В доме никого, – произнесла она в микрофон в шлеме. Она слышала собственный подавленный голос.

Почему Майкл ушел из дома, не заперев его? Возможно, он не собирается возвращаться.

Вот это удар. Если бы Майкл был тут, тайна могла бы быстро разрешиться. А теперь придется объявить розыск. Ведь он может быть где угодно, в любом уголке земного шара. Так что неизвестно, сколько уйдет времени, чтобы его найти. Тони стало страшно при мысли о том, сколько будет нервотрепки – и не дней, а даже недель, полных тревоги.

Она снова вышла в сад. Стремясь ничего не упустить, потянула дверь сарая. Эта дверь тоже была не заперта. Открыв ее, Тони почувствовала запах – неприятный, но смутно знакомый. «Должно быть, очень сильный, – подумала она, – раз проник сквозь фильтр. Это кровь». В сарае пахло скотобойней.

– О господи, – прошептала Тони.

Руфь Соломонс, услышав ее, спросила:

– В чем дело?

– Одну минуту.

В маленькой деревянной постройке было черным-черно – окон в ней не было. Тони пошла в темноте и нащупала выключатель. Когда вспыхнул свет, она вскрикнула.

Ее спутники одновременно спросили, что там.

– Скорее сюда! – сказала она. – К садовому сараю. Первой идет Руфь!

На полу, лицом вверх, лежал Майкл Росс. Его заливала кровь – она текла из глаз, из носа, изо рта, из ушей. На дощатом полу вокруг него была целая лужа. Тони не требовался врач, чтобы сказать, что у Майкла классические симптомы Мадобы-2 и аналогичных инфекций. Майкл представлял собой серьезную опасность – его тело было неразорвавшейся бомбой, начиненной смертельным вирусом. Но он был жив. Грудь его поднималась и опускалась, и изо рта вырывалось слабое бульканье. Тони опустилась на колени в липкую лужу свежей крови и внимательно всмотрелась в Майкла.

– Майкл! – крикнула она, чтобы быть услышанной, несмотря на толстый пластик шлема. – Это Тони Галло из лаборатории!

В залитых кровью глазах блеснуло понимание. Он открыл рот и что-то пробормотал.

– Что? – прокричала она. И пригнулась поближе.

– Лекарства нет, – сказал он.

И его вырвало. Струя черной жидкости вылетела изо рта, попав на лицевое стекло в шлеме Тони. Она отскочила, вскрикнув от испуга, хоть и знала, что защищена костюмом.

Чьи-то руки оттолкнули ее в сторону, и Руфь Соломонс склонилась над Майклом.

– Пульс очень слабый, – сообщила доктор по находившемуся в шлеме микрофону. Она открыла Майклу рот и пальцами в перчатке изъела сгустки крови и остатки рвоты. – Мне нужен ларингоскоп – быстро! – Через несколько секунд медбрат примчался с инструментом. Руфь ввела ларингоскоп в рот Майклу и прочистила ему горло, чтобы легче было дышать. – Принеси из изолятора носилки – как можно быстрее.

Она открыла медицинский чемоданчик и достала шприц, уже наполненный чем-то. «Повидимому, морфием и коагулянтом крови», – подумала Тони. Руфь ввела иглу в шею Майкла. Когда она вытащила иглу, из маленькой дырочки в шее обильно пошла кровь.

Тони захлестнула волна горя. Она вспомнила, как Майкл ходил по «Кремлю», как она сидела у него дома и пила чай, как они оживленно беседовали о рисунках Рембрандта, и ей было мучительно больно смотреть на это безнадежно пораженное тело.

– О'кей, – сказала Руфь. – Забираем его отсюда.

Два медбрата подхватили Майкла и понесли его к палатке из прозрачного пластика. Сквозь отверстие в одной из стен палатки они втокнули Майкла с носилок на каталку и запечатали отверстие. И покатали палатку по саду Майкла.

Перед тем как сесть в машину, они должны были обезвредить себя и каталку. Один из команды Тони уже вытащил мелкую пластиковую ванночку, похожую на детский бассейн. Теперь доктор Соломонс и медбратья поочередно вставали в ванночку и их опрыскивали сильным дезинфектантом, уничтожавшим любой вирус, окисляя протеин.

Тони наблюдала за этим процессом, понимая, что каждая секунда промедления оставляла Майклу все меньше шансов выжить, и в то же время зная, что необходимо твердо следовать процедуре обезвреживания во избежание других смертей. Она была в отчаянии, что смертельный вирус вырвался из ее лаборатории. Такого не бывало за всю историю существования «Оксенфорд медикал». И то, что она оказалась права, подняв такой шум из-за недостающего медикамента, а ее коллеги были не правы, стараясь все смягчить, являлось слабым утешением. Ее обязанностью было предотвратить случившееся, а она не сумела. Неужели бедняга Майкл в результате умрет? И заразятся ли другие?

Медбратья загрузили каталку в фургон. Доктор Соломонс вскочила в машину вслед за пациентом. Дверцы с грохотом захлопнулись, и фургон умчался в ночь.

Тони сказала:

– Держите меня в курсе, Руфь. Звоните мне в скафандр по радиотелефону.

Голос Руфи из-за увеличивавшегося расстояния звучал уже слабее.

– Он впал в кому, – сказала Руфь. И еще что-то добавила, но она уже находилась вне досягаемости, и слов было не разобрать, а потом звук и вовсе пропал.

Тони попыталась избавиться от сковывавшего ее оцепенения. Дела не ждали.

– Давайте зачищать.

Один из мужчин взял рулон желтой ленты, на которой было напечатано: «Биологическая опасность – за ленту не заходить», и стал ее натягивать вокруг всего участка – и дома, и сарая, и сада, а также вокруг машины Майкла. По счастью, поблизости других домов не было, так что можно было не волноваться. Если бы Майкл жил в многоквартирном доме с общей вентиляционной системой, было бы уже слишком поздно проводить дезинфекцию.

Другие мужчины принесли мешки для мусора, пластмассовые садовые распылители, заполненные дезинфектантом, коробки с тряпками и большие круглые коробки из белой пластмассы. Все поверхности следовало опрыскать и протереть. Все твердые предметы и ценности, в том числе украшения, будут запечатаны в пластмассовых коробках и отправлены в «Кремль» для стерилизации паром под высоким давлением в автоклаве. Все остальное будет сложено в двойные мешки и уничтожено в печи для сжигания медицинских отходов под ЛБЗ-4.

Тони попросила одного из мужчин помочь ей вытереть черные следы рвоты Майкла с костюма и опрыскать ее. Ей не терпелось сорвать с себя грязный костюм.

Пока мужчины чистили помещение, Тони осматривалась, пытаясь понять, почему такое произошло. Как она и опасалась, Майкл выкрал экспериментальный медикамент, поскольку знал или подозревал, что заразился Мадобой-2. Но как же он подхватил вирус?

В сарае стояла стеклянная клетка с вытяжкой, похожая на импровизированную камеру биозащиты. Прежде Тони, всецело поглощенная Майклом, не обратила на нее внимания, а теперь увидела в камере мертвого кролика. Похоже, он умер от той же болезни, какую подцепил Майкл. Кролик был из лаборатории?

Рядом с ним стояла мисочка с водой, на которой значилось: «Джо». Это уже кое о чем говорило. В лаборатории редко давали имя животному, с которым работали. Люди по-доброму относились к объектам экспериментов, но не позволяли себе привязываться к животным, кото-

рых предстояло убить. А Майкл дал этому существу имя и относился к нему как к любимому домашнему животному. Он что, чувствовал себя виноватым, занимаясь таким делом?

Тони вышла из сарая. Рядом с биозащитным фургоном остановилась полицейская патрульная машина. Тони ожидала ее появления. В соответствии с планом реагирования на критическую ситуацию, разработанным самой Тони, охрана «Кремля» позвонила в районное полицейское управление в Инверберне и сообщила о «красной» тревоге. И полиция приехала, чтобы выяснить, насколько реальна опасность.

Тони всю свою трудовую жизнь прослужила в полиции – она ушла оттуда два года назад. Большая часть службы прошла у нее удачно – она быстро получала повышения, выступала в средствах массовой информации как образец современного полицейского, и ей сулили стать первой в Шотландии женщиной – главным констеблем. Затем она сцепилась со своим боссом по жгучему вопросу – расизму в полиции. Он утверждал, что расизм в полиции не установлен. А Тони говорила, что офицеры, как правило, скрывают случаи проявления расизма, а значит, он существует. Об их разногласиях узнала газета; Тони не стала отказываться от своего убеждения и вынуждена была подать в отставку.

В то время она жила с Фрэнком Хэккеттом, тоже детективом. Они были вместе восемь лет, хотя в брак не вступали, а когда Тони попала в немилость, он ушел от нее. И она до сих пор это переживала.

Из патрульной машины вышли два молодых офицера – мужчина и женщина. Тони знала большинство местных полицейских своего поколения и некоторых постарше, которые помнили ее покойного отца, сержанта Антонио Галло, которого прозвали Испанцем Тони. Однако этих двух она не знала.

– Джонатан, – сказала она в микрофон, – прибыла полиция. Будь добр, закончи обеззараживание и поговори с ними, хорошо? Скажи, мы нашли подтверждение того, что из лаборатории произошла утечка вируса. Они вызовут Джима Кинкейда, и я введу его в курс дела, когда он приедет.

Суперинтендант Кинкейд занимался происшествиями в ХБРЯ – химической, биологической, радиологической и ядерной областях. Он вместе с Тони составлял план ее работы по биозащите. И они вдвоем сумеют осторожно, сдержанно отреагировать на случившееся.

Ко времени приезда Кинкейда Тони хотелось иметь для него всю информацию о Майкле Россе. Она вошла в дом. Майкл превратил вторую спальню в кабинет. На маленьком столике стояли три фотографии его матери в рамках: стройная девушка в туго обтягивающем свитере; счастливая мать с малышом на руках, похожим на Майкла; и шестидесятилетняя женщина с толстой черной с белыми пятнами кошкой на коленях.

Тони села за его письменный стол и, неуклюже двигая руками в резиновых перчатках по клавишам компьютера, прочитала его имейлы. Майкл заказал через «Амазон» книгу под названием «Этика животных». Он наводил также справки о курсах в университете по философии морали. Тони проверила его поиск в Интернете и обнаружила, что он недавно посещал сайты о правах животных. Майкла явно стала беспокоить нравственная сторона его работы. Но похоже, никто в «Оксенфорд медикал» не догадывался, что он несчастен.

Тони понимала его. Всякий раз, как она видела зайца или хомяка, лежащих в клетке, потому что ученые привили ему какую-то изучаемую ими болезнь, ей было жаль животных. А потом она вспоминала, как умирал отец. У него в пятьдесят с небольшим лет выявили опухоль мозга, и он умер, страдая от боли и ничего не понимая. Возможно, настанет день, когда такое, как у него, состояние будет излечимо благодаря исследованиям на мозге обезьян. Она считала исследования на животных печальной необходимостью.

Майкл держал свои бумаги в картонной коробке, где они были тщательно размечены: «Счета», «Гарантии», «Банковские документы», «Инструкции». В разделе «Членство» Тони

обнаружила, что он записался в организацию под названием «Свободу животным». Картина прояснялась.

Работа увлекла Тони. Она была умелым детективом, и то, что ее выставили из полиции, оказалось для нее тяжелым ударом. Сейчас приятно было использовать старые навыки и почувствовать, что ее дар не пропал.

В одном из ящиков она нашла адресную книжку Майкла и его ежедневник. За последние две недели в ежедневнике не было записей. Она как раз открывала адресную книжку, когда в окне сверкнул голубой свет, и, посмотрев в окно, она увидела «вольво» с полицейскими огнями на крыше. Должно быть, приехал Джим Кинкейд.

Она вышла из помещения и попросила одного из сотрудников продезинфицировать ее. Затем сняла шлем, чтобы иметь возможность разговаривать с суперинтендантом. Однако на «вольво» приехал не Джим. Когда человек попал в полосу лунного света, Тони увидела, что это Фрэнк Хэкетт. Сердце у нее упало. Хотя он ушел от нее, Фрэнк держался всегда так, словно был пострадавшей стороной.

Она решила вести себя спокойно, дружелюбно и деловито.

Он вышел из машины и направился к ней.

– Пожалуйста, не заходи за ограждение – я выйду к тебе, – сказала Тони. И тут же поняла, что совершила бестактность. Он же полицейский, а она – гражданское лицо; по его представлениям, приказы должен отдавать он ей, а не наоборот. Насупленные брови указывали на то, что он почувствовал себя оскорбленным. Стараясь проявить дружелюбие, она спросила: – Как ты, Фрэнк?

– Что тут случилось?

– Похоже, наш лаборант подцепил вирус. Мы только что отправили его в изолятор. Теперь дезинфицируем его дом. А где Джим Кинкейд?

– Он в отпуске.

– Где именно? – Тони надеялась добраться до Джима и вытребовать его в связи со случившимся.

– В Португалии. У него с женой образовалось немного свободного времени.

«Жаль», – подумала Тони. Кинкейд был в курсе биоопасностей, а Фрэнк нет.

Словно прочтя ее мысли, Фрэнк сказал:

– Не волнуйся. – В руке он держал фотокопию какого-то толстого документа. – У меня тут ваш протокол. – Это был план действий, который Тони обговорила с Кинкейдом. Фрэнк явно читал его, пока ждал встречи с ней. – Моя первая обязанность – оградить территорию. – И он посмотрел вокруг.

Тони это уже сделала, но промолчала. Фрэнку надо было самоутвердиться.

– Вы двое! – крикнул он двум офицерам в форме, сидевшим в патрульной машине. – Поставьте машину на дороге у въезда и никого не пропускайте без моего ведома.

– Отличная идея, – сказала Тони, хотя в действительности это ничего не меняло.

– Затем мы должны обеспечить, чтобы никто не выходил отсюда. – Фрэнк явно действовал по протоколу.

Тони кивнула.

– А здесь никого и нет, кроме моей команды, и они все в биозащитных костюмах.

– Не нравится мне этот протокол: он возлагает на месте преступления ответственность на гражданских лиц.

– А почему ты считаешь, что это место преступления?

– Но украдены же образцы медикамента.

– Не отсюда.

Фрэнк пропустил это мимо ушей.

– Ну а как ваш человек подцепил вирус? Вы же все в лаборатории ходите в этих костюмах, верно?

– Это предстоит выяснить местному совету здравоохранения, – сказала Тони, уклоняясь от прямого ответа. – Нет смысла строить догадки.

– А когда ты сюда приехала, тут были какие-нибудь животные?

Тони медлила с ответом.

Фрэнку, который был хорошим детективом и мало что упускал, этого было достаточно.

– Значит, некое животное выбралось из лаборатории и заразило лаборанта, когда на нем не было костюма?

– Я не знаю, что произошло, и не хочу, чтобы ходили разные непроверенные теории. Можем мы на данный момент сконцентрироваться на том, чтобы обезопасить людей?

– Угу. Но ты же беспокоишься не за людей. Ты хочешь защитить компанию и твоего бесценного профессора Оксенфорда.

Тони удивилась, почему он сказал «бесценного», но прежде чем она успела на это отреагировать, в шлеме раздался гудок.

– Меня вызывают по телефону, – сказала она Фрэнку. – Извини.

Она вынула наушники из шлема и надела. Снова прозвучал гудок, затем шипение связи, и она услышала голос охранника, сидящего на коммутаторе в «Кремле»:

– Доктор Соломонс вызывает мисс Галло.

– Алло, – произнесла Тони.

Послышался голос доктора:

– Майкл умер, Тони.

Тони зажмурилась.

– Ох, Руфь, мне так жаль!

– Он умер бы, даже если бы мы добрались до него на сутки раньше. Я почти уверена, что у него была Мадоба-2.

– Мы сделали все, что могли, – прерывающимся от горя голосом сказала Тони.

– Есть идея, как это случилось?

Тони не хотела распространяться в присутствии Фрэнка.

– Его смущала жестокость к животным. И потом, я думаю, он был выбит из колеи смертью матери год назад.

– Бедный мальчик.

– Руфь, у меня тут полиция. Я поговорю с вами позже.

– О'кей.

Связь прервалась. Тони сняла наушники.

– Значит, он умер, – сказал Фрэнк.

– Его звали Майкл Росс, и похоже, что он подцепил вирус под названием Мадоба-2.

– А что это было за животное?

Тони неожиданно решила устроить для Фрэнка маленькую западню.

– Хомячок, – сказала она. – По имени Пушистик.

– Могли и другие люди заразиться?

– Это вопрос первостепенной важности. Майкл жил тут один – у него не было семьи и было лишь несколько друзей. Все, кто посещал его до того, как он заболел, – вне опасности, если у них не было особо интимных отношений, например, если они не кололись одной иглой. Всякий, зашедший к нему, когда уже появились признаки заболевания, наверняка вызвал бы врача. Так что есть серьезное основание считать, что он никому не передал вируса. – Тони все приуменьшала. С Кинкейдом она была бы откровеннее, так как могла быть уверена, что он не поднимет паники. А Фрэнк был другой. И она добавила: – Но наша первостепенная

обязанность – связаться со всеми, кто мог встречаться с Майклом в последние шестнадцать дней. Я нашла его адресную книжку.

Фрэнк изменил направление разговора:

– Я слышал, ты сказала, что его смущала жестокость к животным. Он принадлежал к какой-то группе?

– Да. «Свободу животным».

– Откуда тебе это известно?

– Я проверяла его записи.

– Это обязанность полиции.

– Согласна. Но вы ведь не можете войти в дом.

– Я мог бы надеть костюм.

– Костюм-то надеть можно, но, прежде чем в него облачаться, надо пройти обучение биоопасности.

Фрэнк снова начал распаляться:

– Ну так принеси мне этот материал сюда!

– А почему мне не попросить кого-то из моей команды отправить тебе факсом все бумаги? Мы можем также переслать все, что есть на компьютере Майкла.

– Мне нужны оригиналы! Что ты тут скрываешь?

– Ничего, даю слово. Но все, что находится в доме, должно быть продезинфицировано либо дезинфектантом, либо паром под высоким давлением. В обоих случаях бумага будет уничтожена, и компьютер вполне может пострадать.

– Я этот протокол изменю. Интересно, знает ли начальник полиции, что позволил тебе Кинкейд.

Тони почувствовала, что теряет терпение. Была уже глубокая ночь, ей надо было разбираться с серьезнейшей ситуацией, а она вынуждена была осторожничать, чтобы не задеть чувства обидчивого бывшего любовника.

– Ох, Фрэнк, ради бога... возможно, ты и прав, но такова ситуация, так неужели мы не можем постараться забыть прошлое и дружно работать единой командой?

– В твоём представлении работать в единой команде – значит, чтобы все делали то, что ты скажешь.

Она рассмеялась:

– Довольно верно. Что, по-твоему, должно быть нашим следующим шагом?

– Я поставлю в известность о случившемся региональное управление здравоохранения. Они согласно протоколу являются головной организацией. Как только они разыщут намеченного ими консультанта, он захочет первым делом созвать тут утром совещание. А мы тем временем должны связываться со всеми, кто мог видеть Майкла Росса. Я посажу пару детективов обзвонить все номера из этой адресной книжки. Тебе я предлагаю опросить всех сотрудников «Кремля». Было бы полезно завершить все это к тому времени, когда мы встретимся с советом здравоохранения.

– Хорошо. – Тони медлила. Надо было кое о чем попросить Фрэнка. Его лучший друг – Карл Осборн – был местным телерепортером, ценившим сенсацию больше точности. Если Карл узнает о случившемся, он поднимет крик.

Тони знала, что добиться чего-либо от Фрэнка можно, лишь опираясь на факты, а не утверждая что-то или прося.

– В протоколе есть пункт, на который я должна обратить твоё внимание, – начала она. – Там сказано, что не следует делать прессе никаких заявлений без предварительного согласования с главными заинтересованными сторонами, включая полицию, региональное управление здравоохранения и компанию.

– Нет проблем.

– Я упомянула об этом пункте, чтобы не пугать народ. Скорее всего никому не грозит опасность.

– Отлично.

– Мы не хотим ничего скрывать, но сообщение о случившемся должно быть спокойным и взвешенным. Не надо, чтобы кто-то запаниковал.

Фрэнк усмехнулся:

– Ты испугалась рассказов в бульварных газетенках о хомяках-убийцах, бродящих по нагорьям.

– Ты мой должник, Фрэнк. Надеюсь, ты это помнишь.

У него потемнело лицо.

– Я твой должник?

Она понизила голос, хотя поблизости никого не было.

– Вспомни Фермера Джонни.

Джонни Керк занимался по-крупному ввозом кокаина в страну. Он родился в Глазго, в бандитском районе Гарскьюб-роуд и в жизни не видел ни одной фермы, а прозвище получил из-за своих огромных зеленых резиновых сапог. Фрэнк открыл дело против Фермера Джонни. В ходе суда Тони случайно наткнулась на доказательство, которое могло помочь защите. Она сказала об этом Фрэнку, но Фрэнк не информировал суд. Джонни был по уши виновен, и Фрэнк добился приговора, но если правда когда-либо выйдет наружу, карьере Фрэнка конец.

И сейчас Фрэнк, распаляясь, спросил:

– Ты что, грозишь снова вытащить на свет эту историю, если я не поведу себя так, как ты хочешь?

– Нет, я просто напоминаю, что было время, когда тебе надо было, чтобы я промолчала, и я промолчала.

Настроение его опять изменилось. Он на какой-то миг испугался, а теперь снова стал прежним, самоуверенным.

– Все мы время от времени ломаем правила. Такова жизнь.

– Да. И я прошу тебя не сообщать эту историю твоему приятелю Карлу Осборну или кому-либо из средств массовой информации.

Фрэнк осклабился.

– Что ты, Тони, – наигранно возмущенным тоном произнес он, – я никогда этим не занимаюсь.

7.00

Кит Оксенфорд проснулся рано, горя нетерпением и одновременно волнуясь. Им владело какое-то странное чувство.

Сегодня он совершит кражу в «Оксенфорд медикал».

Самая мысль будоражила его. Это будет дерзновеннейшая в мире проделка. О ней напишут книги под названием, например, «Безупречное преступление». А главное – он отомстит отцу. Компания будет уничтожена, и Стэнли Оксенфорд будет разорен. Особенно хорошо то, что старик никогда не узнает, кто нанес ему такой удар. А Кит до конца своих дней сможет тайне наслаждаться сознанием содеянного.

Но он притом и волновался. И это было необычно. По натуре он не был из тех, кто волнуется. В какую бы беду он ни попадал, он обычно умел из нее выбраться с помощью языка. Он редко что-либо планировал.

А сегодня у него был план. Возможно, это и было для него проблемой.

Он лежал в постели с закрытыми глазами и думал о препятствиях, которые надо будет преодолеть.

Во-первых, охрана вокруг «Кремля»: двойное ограждение, острая как бритва проволока, прожектора, сигнализация против нарушителей. В этой сигнализации были приборы, включающиеся от прикосновения, датчики, чувствительные к ударам, и прибор, определяющий короткое замыкание. Сигнализация была напрямую связана по телефону с полицейским управлением в Инверберне, и связь находилась под постоянным контролем.

Но все это не мешает Киту и тем, кто с ним, проникнуть в нужное место.

Кроме того, существовала охрана, следившая по телевизионным мониторам за наиболее важными местами и ежечасно совершавшая обход помещений. В их мониторы вмонтированы хорошо защищенные переключатели, которые тотчас определяют подмену, например, если картинка идет не из камеры, а из видеоплеера.

Кит придумал, как это обойти.

И наконец, существовала сложная система допуска: пластиковые карточки с фотографией допущенного сотрудника и с чипом, на котором запечатлен отпечаток его пальца.

Обмануть эту систему было трудно, но Кит знал, как это сделать.

У него был диплом компьютерщика, и он учился лучше всех на курсе, но у него было и другое, даже более важное преимущество. Ведь это он разработал программное обеспечение, контролировавшее всю систему безопасности в «Кремле». Это было его детище. Он выполнил прекрасную работу для своего неблагодарного отца, и система была практически непроницаема для постороннего, но Кит знал ее секреты.

Сегодня около полуночи он войдет в святая святых – в ЛБЗ-4, самое охраняемое место в Шотландии. С ним будут его клиент, тихий, но грозный лондонец по имени Найджел Бьюкенен и два его соучастника. А там Кит вскрыет хранилище-рефрижератор с помощью простого четырехзначного кода. И Найджел выкрадет образцы бесценного нового антивирусного средства Стэнли Оксенфорда.

Это средство задержится у них недолго. У Найджела был строго обозначенный срок. Он должен передать образцы покупателю завтра, в Рождество, в десять утра. Кит не знал причину столь строго установленного часа. Не знал он и покупателя, но мог догадаться. Это был кто-то из многонациональных фармакологических компаний. Иметь на руках средство для анализа – значит сократить годы научно-исследовательских изысканий. Компания сможет произвести собственное лекарство, вместо того чтобы платить миллионы Оксенфорду за лицензию.

Это было, конечно, нечестно, но люди находят оправдания нечестному поступку, когда ставки высоки. Кит представлял себе, как почтенный седовласый председатель компании в костюме в тонкую полоску задает лицемерный вопрос: «Можете вы безоговорочно заверить меня, что ни один сотрудник нашей организации не нарушил закона, получив это средство?»

Кит считал самой удачной частью плана то, что пройдет много времени – уже после того, как они с Найджелом покинут «Кремль», – прежде чем обнаружат кражу. Сегодня был вторник, канун Рождества. Завтра и послезавтра – праздники. Самое раннее тревогу могут поднять в пятницу, когда один-два особо старательных ученых явятся на работу, но многое говорит за то, что кража не будет обнаружена ни тогда, ни в конце недели, что дает возможность Киту и всей банде до следующего понедельника скрыть свои следы. А больше времени им и не потребуется.

Так почему же ему страшно? Перед его мысленным взором возникло лицо Тони Галло, шефа безопасности у его отца. Она была рыжая, с веснушками, мускулистая и очень привлекательная, но не во вкусе Кита – слишком могучая. Из-за нее он трусит? Был случай, когда он недооценил ее, – с катастрофическими последствиями.

Но у него же блестящий план.

– Блестящий, – вслух произнес он, стараясь убедить себя.

– Ты о чем? – раздался рядом с ним женский голос.

Кит охнул от удивления. Он забыл, что не один в комнате. Открыл глаза. В комнате царил крошечный мрак.

– Что блестящее? – повторила она.

– То, как ты танцуешь, – нашелся Кит. Он познакомился с ней в клубе накануне вечером.

– Ты тоже неплох, – сказала она с сильным акцентом жительницы Глазго. – Лихо крутишь ногами.

Он напряг память, вспоминая ее имя.

– Морин, – сказал он. Должно быть, католичка, раз такое имя.

Кит перевернулся и обнял ее, пытаясь вспомнить, какая она. Под его рукой были приятные округлости. Ему нравились не слишком тощие девицы. Она с готовностью придвинулась к нему. «Блондинка или брюнетка? – пытался вспомнить он. – Заниматься сексом с девицей, не зная, как она выглядит, – это может быть даже интересно». Он потянулся к ее груди и тут вспомнил, что ему сегодня предстоит, и желание заниматься любовью тотчас исчезло.

– Который час? – спросил он.

– Ровно столько времени, чтоб потрахаться, – ответила Морин.

Кит откатился от нее. Часы на проигрывателе показывали 7.10.

– Пора вставать, – сказал он. – Сегодня полно дел.

Он хотел быть вовремя у отца к ленчу. Он ехал туда якобы на Рождество, на самом же деле чтобы выкрасть кое-что, необходимое для ограбления, намеченного на вечер.

– Какие же могут быть дела накануне Рождества?

– А может, я – Санта-Клаус. – Он сел на край кровати и включил свет.

Морин была явно разочарована.

– Ну, в таком случае этот маленький эльф немного полежит, если Санта-Клаус не возражает, – не без раздражения произнесла она.

Он метнул на нее взгляд, но Морин уже скрылась под одеялом. Кит по-прежнему не знал, как она выглядит.

Не одеваясь, он прошел на кухню и стал готовить кофе.

Мансарда, в которой он жил, была разделена на две большие комнаты: спальню и гостиную с примыкающей к ней кухонькой. В гостиной было полно электроники: большой телевизор с плоским экраном, сложная звуковая аппаратура и несколько компьютеров, соединенных друг с другом целым лесом кабелей. Киту всегда нравилось вскрывать чужие компьютеры. Ведь чтобы стать знатоком по защите программ, надо сначала быть хакером.

Работая на отца, изобретая и устанавливая защиту в ЛБЗ-4, он совершил один из своих лучших мошеннических трюков. С помощью Ронни Сазерленда, возглавлявшего тогда охрану в «Оксенфорд медиал», Кит разработал способ выкачивания денег из компании. Он так спрограммировал систему расчетов, что компьютер, суммируя ряд инвойсов от поставщиков, добавлял в итоге один процент, а потом переводил этот процент на банковский счет Ронни, причем этот перевод не был зафиксирован ни в одном отчете. Этот трюк был рассчитан на то, что никто не проверяет подсчетов компьютера, – и так оно и было, пока Тони Галло однажды не увидела, как жена Ронни подъехала в Инверберне на новеньком «мерседесе» к магазину «Макс и Спенсер».

Кита удивило и испугало упорство, с каким Тони принялась проводить расследование. В цифрах было несоответствие, и она хотела добиться объяснения. Она не отступалась. Более того: когда она выяснила, что творилось, никакая сила на свете уже не могла помешать ей рассказать все хозяину – отцу Кита. Кит умолял ее не расстраивать старика. Он пытался убедить Тони, что Стэнли Оксенфорд, всплыв, выгонит ее, а не его, Кита. Под конец он положил руку ей на бедро и со своей самой шаловливой улыбкой сказал голосом, каким предлагают женщине переспать: «Мы с вами должны быть друзьями, а не врагами». Ничто не подействовало.

Кит так и не сумел устроиться на работу после того, как отец выгнал его. На свою беду он продолжал играть. Ронни ввел его в подпольное казино, где ему давали кредит – наверняка потому, что отец Кита был известным ученым-миллионером. Кит старался не думать о том, сколько он теперь должен, – при одной мысли об этой цифре его начинало тошнить от страха и отвращения к себе, и он готов был броситься в реку с моста Форт. Но вознаграждение за то, что он проделает сегодня, поможет ему расплатиться полностью с долгом и позволит начать жизнь заново.

Взяв кружку с кофе, Кит прошел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Было время, когда он состоял в команде Великобритании, готовившейся к зимней Олимпиаде, и каждый уик-энд ходил на лыжах или тренировался. Тогда он был стройный и мускулистый, как борзая. Теперь же он увидел на своей фигуре наросты мякоти. «Прибавляешь в весе», – сказал он себе. Но его каштановые волосы были по-прежнему густые и красиво спускались на лоб. Лицо же было напряженное. Откинув назад голову, он, подражая Хью Гранту, бросил на себя косой взгляд голубых глаз и завораживающе улыбнулся. Да, он еще на многое способен. На Тони Галло, возможно, это и не действует, а вот Морин была сражена всего лишь прошлым вечером.

Бреясь, он включил телевизор в ванной и стал слушать местные новости. Премьер-министр Великобритании приехал на Рождество к своим шотландским избирателям. Глазговские «Рейнджеры» заплатили девять миллионов фунтов стерлингов за нападающего по имени Джованни Сант-Анджело. «Еще одно хорошее старое шотландское имя», – сказал себе Кит. Погода по-прежнему будет холодная, но ясная. В Норвежском море сильная снежная буря движется на юг, но, очевидно, пройдет западнее Шотландии. Затем пошли местные новости, и у Кита кровь застыла в жилах.

Он услышал голос Карла Осборна, знаменитости шотландского телевидения, который славился сенсационными репортажами. Взглянув на экран, Кит увидел здание, в котором он ночью намеревался произвести кражу. Осборн вел репортаж у ворот «Оксенфорд медикал». Было еще темно, но мощные прожекторы охранения освещали пышную викторианскую архитектуру.

– Это еще что такое? – вырвалось у встревоженного Кита.

Тем временем Осборн говорил:

«Ученые экспериментируют с самыми опасными в мире вирусами тут у нас, в Шотландии, в этом здании, что за моей спиной, которое местные жители прозвали “Замок Франкенштейна”».

Кит никогда не слышал, чтобы кто-либо называл здание «Замок Франкенштейна». Осборн это выдумал. Ведь здание прозвали «Кремлем».

«Но сегодня от одного из этих вирусов умер молодой лаборант, – по мнению некоторых наблюдателей, природа так отомстила за то, что человечество вмешивается в ее законы».

Кит опустил бритву. Он сразу понял, что подобная реклама плохо скажется на репутации «Оксенфорд медикал». Случись это в другое время, он возликовал бы оттого, что у отца неприятности, но сегодня его куда больше волновало то, как это скажется на его планах.

«Майкла Росса, которому был тридцать один год, сразил вирус Эбола, названный по африканской деревне, где он был обнаружен впервые. При этом заболевании все тело жертвы покрывается болезненными гноящимися прыщами».

Кит был уверен, что Осборн перевирает факты, но слушателям-то это неизвестно. Это было «желтое» телевидение. Но может ли смерть Майкла Росса подорвать запланированную Китом кражу?

«“Оксенфорд медикал” всегда утверждала, что проводимые ею исследования ничем не грозят местному населению или окружающей среде, но смерть Майкла Росса ставит это утверждение под большое сомнение».

На Осборне были толстая куртка и шерстяная шапочка, и выглядел он так, будто мало спал минувшей ночью. Кто-то разбудил его на заре, дав подсказку, подумал Кит.

«Возможно, Росса укусило животное, которое он украл отсюда из лаборатории и отвез за несколько миль к себе домой», – продолжал вещать Осборн.

– О нет! – вырвалось у Кита. Час от часу не легче. Неужели он будет вынужден отказаться от своего грандиозного плана? Он этого не вынесет.

«Работал ли Майкл Росс в одиночку или входил в группу, которая могла попытаться освободить и других зараженных чумой животных из секретных лабораторий «Оксенфорд меди-кал»? Не предстоит ли нам увидеть на шотландских просторах вполне невинных с виду собак и кроликов, распространяющих вирус всюду, где бы они ни появились? Никто тут не готов ответить на этот вопрос».

Что бы люди, работающие в «Кремле», ни говорили, Кит понимал: они сейчас стараются как можно быстрее укрепить охрану. Тони Галло, конечно, уже там – завинчивает гайки, проверяет сигнализацию и камеры, инструктирует охранников. Худшей новости для Кита быть не могло. Он был в ярости.

– Ну почему мне так не везет? – вслух произнес он.

«Так или иначе, – продолжал Карл Осборн, – Майкл Росс, похоже, погиб из любви к хомяку по имени Пушистик». – Он произнес это таким трагическим тоном, что Кит ожидал увидеть выкатывавшуюся из его глаза слезу, но Осборн так далеко не пошел.

«Карл, – вмешалась ведущая, хорошенькая блондинка с бритой головой, – «Оксенфорд меди-кал» как-то комментировала это чрезвычайное происшествие?»

«Да. – Карл заглянул в свой блокнот. – Они сказали, что крайне огорчены смертью Майкла Росса, но судя по всему, никто больше не подцепил вируса. Тем не менее они хотели бы поговорить со всеми, кто встречался с Россом в последние шестнадцать дней».

«Предположительно люди, находившиеся с ним в контакте, могли подцепить вирус?»

«Да, и, возможно, заразить других. Поэтому заявление компании, что никто больше не заражен, звучит скорее как надежда, чем как научное предвидение».

«Очень тревожная история, – произнесла ведущая, глядя в камеру. – Вы слушали сообщение Карла Осборна. А теперь футбол».

Кит в ярости ткнул пальцем в пульт управления, чтобы выключить телевизор, но он был слишком взвинчен и тыкал не в те кнопки. Под конец он схватил кабель и выдернул штепсель из розетки. Он еле удержался, чтобы не швырнуть телевизор в окно. Это была катастрофа.

Мрачное предсказание Осборна о распространении вируса могло и не оправдаться, но в том, что охрана «Кремля» станет непробиваема, можно не сомневаться. Пытаться сегодня что-то выкрасть оттуда – хуже времени не придумаешь. Придется затею отменять. Кит был игроком: если карта шла хорошая, он готов был ставить как настоящий псих, но он знал, что, если карты не благоприятствуют, лучше отступить.

«По крайней мере мне не придется проводить Рождество с отцом», – мрачно подумал он.

Возможно, удастся осуществить затею в другое время, когда волнение спадет и охрана вновь станет нормальной. Пожалуй, удастся уговорить покупателя подождать. По телу Кита пробежала дрожь, стоило ему вспомнить о невыплаченном огромном долге. Но не было смысла идти на дело, раз скорее всего тебя ждет провал.

Он вышел из ванной. Часы на проигрывателе показывали 7.28. Звонить рано, но дело не терпит. Он снял трубку и набрал номер.

На звонок ответили тотчас. Мужской голос произнес лишь:

– Да?

– Это Кит. Он там?

– А что вам надо?

– Мне надо переговорить с ним. По важному делу.

– Он еще не вставал.

– А, черт. – Кит не хотел оставлять сообщение. Не хотел он и чтобы Морин услышала, что он скажет. – Передайте ему, что я сейчас приеду. – И, не дожидаясь ответной реакции, повесил трубку.

7.30

Тони Галло считала, что к ленчу станет уже безработной.

Она окинула взглядом свой кабинет. Она недолго в нем пробыла. Только-только стала его обустраивать. На письменном столе поставила свою фотографию с мамой и сестрой Беллой – снимок был сделан несколько лет назад, когда мама была здорова. Рядом лежал старый потрепанный словарь Тони – она никогда не была сильна в орфографии. Всего лишь на прошлой неделе она повесила на стену свой портрет семнадцатилетней давности, на котором она, такая молоденькая и полная энтузиазма, снята в форме констебля полиции.

Ей трудно было поверить, что она уже лишилась этой работы.

Она теперь знала, что сделал Майкл Росс. Он очень умно и хитро обошел все установленные ею меры предосторожности. Нашел слабые места в охране и воспользовался ими. Так что винить некого, кроме самой себя.

Она не знала этого два часа назад, когда звонила Стэнли Оксенфорду, председателю совета директоров «Оксенфорд медиал» и держателю основного пакета акций.

Тони боялась звонить ему. Ей предстояло сообщить Оксенфорду ужасную новость и принять на себя вину. Она приготовилась вынести его огорчение, возмущение и, возможно, ярость.

А он спросил:

– С вами все в порядке?

Тони чуть не расплакалась. Она никак не ожидала, что его первой мыслью будет забота о ней. Не заслуживала она такого доброго отношения.

– В полном, – ответила она. – Мы все надели костюмы, прежде чем войти в дом.

– Но вы, должно быть, без сил.

– Я урвала часок сна около пяти.

– Отлично, – сказал Стэнли и поспешил перейти к другому: – Я знал Майкла Росса. Тихий такой, лет тридцати, работал с нами лет восемь – опытный лаборант. Как, черт побери, такое могло случиться?

– Я нашла у него в саду в сарае мертвого кролика. Думаю, он принес это существо из лаборатории и кролик укусил его.

– Сомневаюсь, – отрезал Стэнли. – Скорее всего он порезался зараженным ножом. Даже опытные люди бывают неосторожны. А кролик был просто любимцем Майкла, который умер от голода, когда он заболел.

Тони хотелось бы сделать вид, будто она этому поверила, но она должна была выложить боссу факты.

– Этот кролик находился в импровизированной биозащитной камере, – сообщила она.

– Все равно я сомневаюсь. Майкл не мог работать один в ЛБЗ-4. Даже если коллега не видел его, в каждом помещении установлены телевизионные камеры – не мог он выкрасть кролика, это было бы обнаружено на мониторах. Кроме того, чтобы выйти, ему надо было пройти мимо нескольких охранников – они бы заметили, если бы он нес кролика. И наконец, ученые, работающие в этой лаборатории, на другое утро тотчас увидели бы, что одного животного не хватает. Они, наверное, не могут отличить одного кролика от другого, но уж сколько кроликов задействовано в эксперименте, они знают.

«Несмотря на ранний час, мозг у Стэнли заработал как мотор в его «феррари», – подумала Тони. – И все равно он ошибается».

– Все эти охранные заграждения я устанавливала, – сказала она. – И говорю вам: идеальной системы не существует.

– Вы, конечно, правы. – Если представить ему веские соображения, он может неожиданно быстро сдать позиции. – Я полагаю, у нас есть видеозапись последнего пребывания Майкла в ЛБЗ-4?

– Это стоит в моем списке для проверки.

– Я приеду около восьми. К этому времени приготовьте мне, пожалуйста, ответы на возможные вопросы.

– Еще одно. Как только явятся сотрудники, пойдут слухи. Могу я сказать людям, что вы собираетесь перед ними выступить?

– Точно. Я выступлю перед всеми в главном вестибюле, скажем, в половине десятого. – Главный вестибюль в старом доме был самым большим помещением в здании, в нем всегда проводились большие собрания.

Затем Тони вызвала Сьюзен Макинтош, одну из охранниц, хорошенькую девушку двадцати с лишним лет, с выщипанными бровями и короткой стрижкой. Сьюзен сразу заметила портрет на стене.

– А вам идет форма, – сказала она.

– Спасибо. Насколько я понимаю, у вас конец смены, но мне для одного дела нужна женщина.

Сьюзен кокетливо приподняла бровь.

– Я знаю, когда возникает такое чувство.

Тони вспомнила рождественскую вечеринку, которая была в пятницу. Сьюзен выглядела на ней, как Джон Траволта в фильме «Бриолин», – зализанные назад волосы, джинсы в обтяжку и туфли на резиновом ходу, прозванные в Глазго бордельными бесшумками. Она пригласила Тони на танец. Тони ласково улыбнулась и сказала: «Пожалуй, не стоит». Немного позже, пропустив несколько бокалов вина, Сьюзен спросила, спит ли Тони с мужчинами.

– Реже, чем хотелось бы, – сказала Тони.

Тони льстило то, что такое молодое и красивое существо тянется к ней, но она делала вид, что не понимает намека.

– Когда сотрудники станут приходить, мне надо, чтобы вы поговорили с каждым. Поставьте стол в главном вестибюле и не давайте им пройти в кабинеты или лаборатории, пока вы с ними не поговорите.

– А что я должна им говорить?

– Скажите, что произошло серьезное нарушение в хранении вирусов и профессор Оксенфорд намерен сегодня утром обо всем рассказать. Держитесь спокойно и уверенно, но не входите в подробности – лучше всего предоставить это Стэнли.

– О'кей.

– Затем спросите каждого, когда он или она в последний раз видели Майкла Росса. Кое-кого уже спрашивали об этом вчера вечером по телефону, но лишь тех, кто работает в ЛБЗ-4, однако от перепроверки беды не будет. Если кто-то виделся с ним после того, как он в воскресенье две недели назад ушел отсюда, немедленно сообщите мне об этом.

– О'кей.

Теперь надо было задать деликатный вопрос, и Тони помедлила, потом все-таки задала его:

– Как вы думаете, Майкл был голубой?

– Он не был активным.

– Вы уверены?

– Инверберн – маленький городок. У нас есть два паба для голубых, клуб, пара ресторанов, церковь... Я знаю все эти места, и я ни разу не видела его ни в одном.

– О'кей. Надеюсь, вы не станете отрицать, если я скажу, что вам это известно, так как...

– Ничего страшного. – Сьюзен улыбнулась и в упор посмотрела на Тони. – Вам пришлось бы хорошенько потрудиться, чтобы оскорбить меня.

– Спасибо.

Этот разговор состоялся почти два часа назад. С тех пор Тони большую часть времени посвятила просмотру видеозаписи последнего посещения лаборатории Майклом Россом. Теперь у нее были готовы ответы, которых ждал Стэнли. Она расскажет ему, что там произошло, и он, по всей вероятности, попросит ее подать в отставку.

Она вспомнила свою первую встречу со Стэнли. Она была в наихудшем за всю свою жизнь положении. Делала вид, что является вольным консультантом по обеспечению безопасности, но клиентов у нее не было. Фрэнк, с которым она прожила восемь лет, ушел от нее. А мать впала в старческий маразм. Тони чувствовала себя как Иов после того, как он отрекся от Христа.

Стэнли пригласил ее к себе и предложил контракт на короткий срок. Оксенфорд разработал медикамент, столь ценный, что приходилось опасаться, как бы он не стал предметом промышленного шпионажа. И он хочет, чтобы она это проверила. Тони не сказала, что это ее первое поручение.

Прочесав все помещения и удостоверившись, что там нет подслушивающих устройств, она стала смотреть, не живет ли кто-либо из основных сотрудников не по средствам. В результате стало ясно, что на «Оксенфорд медикал» нет шпионов, но, к своему смятению, Тони обнаружила, что Кит, сын Стэнли, обкрадывает компанию.

Она была в шоке. Кит казался ей обаятельным и ненадежным, но что же это за человек, который крадет у собственного отца?

– Старик выдержит – у него полно денег, – небрежно произнес тогда Кит, а Тони знала по своему многолетнему пребыванию в полиции, что склонность к злодеяниям не присуща глубокой натуре – преступники просто мелкие алчные людишки, чьи поступки не имеют серьезных оправданий.

Кит пытался уговорить ее замять это дело. Он обещал никогда больше так не поступать, если Тони на этот раз не поднимет шума. У нее язык не поворачивался говорить недавно пережившему горе человеку, что его сын бесчестный человек. Но промолчать было бы нечестно.

Так что под конец она не без трепета рассказала Стэнли все.

Она никогда не забудет, как изменилось его лицо. Он побелел, лицо перекошилось, из горла вырвалось «О-ох!», словно его внезапно пронзила боль. В этот момент, когда он пытался совладать с чувствами, она увидела, какой он сильный и одновременно чувствительный, и ее неодолимо потянуло к нему.

Она правильно решила сказать ему все. И была за это вознаграждена. Стэнли уволил Кита и подписал с Тони постоянный контракт. За это она всегда будет железно верна ему. Она была преисполнена решимости отплатить за доверие.

И жизнь стала лучше. Стэнли быстро повысил ее: она по-прежнему отвечала за безопасность и стала менеджером по оборудованию с более высоким жалованьем. Тони купила красный «порше».

Однажды она упомянула, что играла в сквош в национальной полицейской команде, и Стэнли предложил ей сыграть с ним на корте компании. Тони победила с небольшим перевесом, и они стали играть каждую неделю. Оксенфорд был физически в очень хорошей форме и делал длинные броски, но Тони была на двадцать лет моложе и обладала мгновенной реакцией. Ему удавалось время от времени переигрывать Тони, когда внимание ее рассеивалось, но в итоге она обычно выигрывала.

Постепенно она узнала его лучше. Оксенфорд играл сильно, идя на риск, что часто вознаграждалось. Боролся за выигрыш, но умел и проигрывать. Тони, как и он, отличалась сооб-

разительностью и любила попикироваться. Чем больше она узнавала Стэнли, тем больше он ей нравился. И наконец наступил день, когда она поняла, что он не просто ей нравится. Это было нечто большее.

И сейчас Тони чувствовала, что для нее страшнее не потерять работу, а больше его не видеть.

Она только собралась пойти в главный вестибюль, чтобы встретить Оксенфорда, когда он войдет, как зазвонил телефон.

Женский голос с акцентом юга Англии произнес:

– Это Одетта.

– Привет!

Тони обрадовалась. Одетта Кресси работала детективом в Лондоне, в полиции метрополии. Они познакомились в Хэндоне на курсах пять лет назад. Они были одного возраста. Одетта была не замужем, и, после того как Тони рассталась с Фрэнком, они дважды отдыхали вместе. Не живи они так далеко друг от друга, были бы близкими подругами. А так они каждые две недели разговаривали по телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.